

Антон Чехов

Тост прозаиков

Антон Павлович Чехов

Тост прозаиков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22118752

Чехов А. П. Тост прозаиков // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 3. [Рассказы. Юморески. «Драма на охоте»], 1884 – 1885.: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.; Москва; 1975

Аннотация

«... Если человек прожил двадцать лет, то он еще так молод, что ему запрещают жениться; если же журнал перевалил через двадцать, то его ставят в пример долговечности. Это раз... Во-вторых, журнал прожил двадцать лет, а среди нашей обедающей братии нет ни одного, который имел бы право назвать себя ветераном «Будильника», нет, кажется, ни одного, который мог бы сказать, что он работал в нашем журнале более десяти лет. Я лично числюсь в штате прозаиков пять-шесть лет, не больше, а между тем три четверти из вас – мои младшие коллеги, и все вы величаете меня *старым* сотрудником...»

Антон Павлович Чехов

Тост прозаиков

– Проза остается прозой даже тогда, когда кружится голова и вальсируют чувства. Как бы ни накалили вы кремень, а из него не сделать вам кружев; каким бы веселящим нектаром вы ни напоили прозаика, а из него не выжать вам легкого, веселящего экспромта! Не моя вина, если требуемый от меня тост заставит вас нахмуриться и если мой веселый сосед потянет меня за рукав и призовет к порядку. Я смущен, коллеги, и невесело мне! Если бы не было обычая на юбилейных обедах смеяться, то я пригласил бы вас плакать...

Если человек прожил двадцать лет, то он еще так молод, что ему запрещают жениться; если же журнал перевалил через двадцать, то его ставят в пример долговечности. Это раз... Во-вторых, журнал прожил двадцать лет, а среди нашей обедающей братии нет ни одного, который имел бы право назвать себя ветераном «Будильника», нет, кажется, ни одного, который мог бы сказать, что он работал в нашем журнале более десяти лет. Я лично числюсь в штате прозаиков пять-шесть лет, не больше, а между тем три четверти из вас – мои младшие коллеги, и все вы величаете меня *старым* сотрудником. Хорош старик, у которого нет еще порядочных усов и из которого бьет таким ключом самая настоящая молодость! Журналы недолговечны, пишущие же еще

недолговечнее... Прожил «Будильник» только двадцать лет, а попал уже в старики и пережил чуть ли не двадцать поколений сотрудников. Словно индейские племена исчезали одно за другим эти поколения... Родится и, не расцвев, увядает... Смешно: по «Будильнику» мы имеем предков!

Где же *они*? Одни умерли... Каждый год, и почему-то непременно осенью, нам приходится хоронить кого-либо из коллег... Сбежишь не только в частные поверенные или нотариусы, но и подальше: в кондуктора, в почтальоны, в литографы! Я видел третьих, которые просто сознавались мне, что они отупели... И все эти смерти, дезертирства, отупения и прочие метаморфозы происходят в удивительно короткий срок. Право, можно подумать, что судьба принимает толпу пишущих за коробку спичек! Не стану я объяснять этой недолговечности, но ею берусь объяснить многое. Объясняю я ею такое печальное явление, как отсутствие окрепших, сформировавшихся и определившихся талантов. Объясняю отсутствие школ и руководящих традиций. В ней же вижу причину мрачного взгляда, установившегося в некоторых на журнальные судьбы. Но что наиболее всего смущает меня, так это то, что та же самая недолговечность является симптомом жизни тяжелой, нездоровой.

Если, коллеги, этот порядок, тянувшийся в течение двадцати лет, естественен и имеет своим конечным пунктом благо, то пусть он и остается. Если же он явление болезненное и указывает только на нашу слабость и неумение выхо-

дить из борьбы целым, то пусть он уступит свое место другому порядку.

За новый порядок, за нашу целость!

Примечания

Впервые – «Будильник», 1885, № 12 (ценз. разр. 20 марта), стр. 143.

Печатается по журнальному тексту.

Двенадцатый номер «Будильника» был посвящен празднованию двадцатилетия журнала (1865–1885), и помещенный в нем разнообразный материал оформлен в виде описания юбилейного вечера. Написано всё было, по-видимому, сотрудниками журнала совместно и, возможно, с участием Чехова. В описании юбилея много раз упоминается его имя.

После стихотворения «В день юбилея» (подпись – «Будильник») и «Curriculum vitae, или Краткое жизнеописание „Будильника“» (подпись – «Никс» и «Моск. фланер» – псевдонимы Н. П. Кичеева и А. Д. Курепина) следует «Восторженное приглашение (разосланное по России и даже в „заграницу“ в нескольких миллионах экземпляров)», которое начинается словами:

«М. м. г. г.

Во все двадцать лет своего существования „Будильник“, не переставая, приглашал заблудшего человека стать на стезю истины, сегодня же он приглашает... обедать». На обед приглашаются все сотрудники журнала, подписчики журнала «в течение 20 лет», «жены, доставившие от мужей свидетельства в том, что они, будучи добродетельны, увлекались

платонически только сотрудниками журнала и тем выказали любовь свою к сатирической литературе», все типографы, цинкографы, граверы и «вообще лица, принесшие какую-либо услугу „Будильнику“, а стало быть, и отечеству».

Далее следует «Объяснение (почему, что и как)»: «В общем редакционном собрании „Будильника“ было решено большинством 660 против 6 голосов избрать для празднования двадцатилетнего юбилея нашего многоуважаемого журнала помещение клуба Непредусмотрительных людей, где, как известно, числятся членами все российские граждане, писавшие когда-либо и что-либо, кроме векселей, латинских переводов, журналов входящих и исходящих, лавочных счетов и т. д. Программа празднества вызвала бурю споров. Все единодушно стояли на одном: прежде всего – *обед*; но за этим пунктом начиналось самое пагубное разногласие. Антоша Чехонте нашел блистательный выход из затруднительного положения редакции, формулировав программу следующими краткими, но выразительными словами: „Обед, а там – что кому бог на душу положит“».

«Меню» обеда было составлено «по всестороннем обсуждении всех обстоятельств внутренней (карманной) и внешней (вообще) политики». Оно состояло, например, из «Супа виндзор из телячьих ножек à la восточная политика Гладстона», «Майонеза из газетной дичи». Там же было «Шато ла Роз à la мечты редакции», «Понте-Кане à la собачья жизнь газетчика» и т. д.

Далее шло «Юбилейное предобедие», где подробно описывались парадная лестница, зал, украшенный флагами и щитами с девизами «Будильника», например: «Полезнее медною кастрюлей, нежели медным лбом обладать» или «Веселость духа – прежде всего». «Вдоль стен были расставлены бюсты из бисквит-фарфора всех знаменитых участников „Будильника“...», а у входа красовались две огромные статуи: «Сатиры» – «исходной точки всех стремлений» журнала – и Мефистофеля, его гения-покровителя. «У подножия статуи редакция, в лице г-жи издательницы, встречала своих званых и незваных гостей. Последние, начиная с шести часов, являлись толпами...»; «...один за другим, как звезды в вечерние сумерки, стали показываться и прочие сеятели: А. Чехонте, Созонт, Агафопод Единицын, Никс, Фланер, Эмиль Пуп, Лев Медведев и художники Чичагов, Лилин, Чехов, Федоров... За каждым из них ломилась в залу толпа почитателей и поклонниц...»

Все следующие листы «Будильника» посвящены описанию «Обеда».

«С общего согласия садившихся за стол решено было краткий период между блаженным настроением, полученным у столика с закуской, и зелеными чертями посвятить тостам. Тосты мог произносить каждый желающий: мужчины, дамы и даже бумажные фабриканты, но с условием, чтобы каждый тост удовлетворял следующим требованиям: экспромтность, скоропалительность, цветистость и убедитель-

ность. Профессора, читающие в последнее время лекции, в видах сохранения времени и бодрого духа, от тостов были освобождены».

Когда официанты разнесли шампанское, тост за подписчиков и читателей произнес Евгений Роган. Тост прерывался репликами слушателей. «Гром рукоплесканий... Потом *Антоша Чехонте* встает, чтобы произнести „Тост прозаиков“». После тоста «снова гром рукоплесканий...»

Дальнейшее описание обеда см. в примечаниях к «Женскому тосту».